

БОГАТЫЙ СВЯЩЕННИК

Светлана Авенирова

Светлана Авенирова

Богатый священник

«Автор»

2025

Авенирова С.

Богатый священник / С. Авенирова — «Автор», 2025

Священник переживает личную трагедию. Не в силах выносить душевную боль, он глушит её вином. После череды событий и доносов решением Епархиального суда его отправляют в дальний приход. Любовь к людям, их вера ему – последняя нить, что связывала его с жизнью.

© Авенирова С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Светлана Авенирова

Богатый священник

Глава 1

Старый сломанный плетень на краю спуска к реке был местом встреч для жителей округи. К его существованию давно привыкли, и никто не задавался вопросом, зачем он вообще нужен. Солнце заходило за горизонт. Дул легкий прохладный ветер, и первые пожелтевшие листья полетели в последний путь.

Слегка покачиваясь, у плетня стоял местный священник – отец Павел. Запахнув плащ, накинутый поверх подрясника, он нащупал за пазухой припрятанную бутылку вина. Вглядываясь вдаль, достал и сделал несколько глотков. Стало немного легче. Борьба с желанием выпить оказалась проиграна. Священник тяжело вздохнул, спрятал бутылку и зашагал к деревне, прихватив с собой на полах пыльного подрясника репейник.

Чуть в стороне от крайней деревенской улицы примостился дом Петровны. Старушка жила одна, много болела и давно не держала живность. Огород зарос бурьяном, на покосившемся заборе висела скрученная проволока, служившая замком. Отец Павел вошёл во двор, постучал и открыл дверь.

– Мир дому! – перекрестившись, глядя на иконы сказал он.

– Батюшка! Дорогой! Это ты? – отозвалась лежащая на кровати женщина.

– Я, не пугайся, – ответил отец Павел.

В доме было грязно, но сил и времени на уборку не осталось. Разогрел еду, покормил больную, дал лекарство. После налил кошкам молока, вымыл посуду, и благословив старушку ушел.

Следующий дом принадлежал Федуну. Все свои 50 лет он прожил в деревне с матерью, за исключением года службы в армии. Нигде, кроме средней школы, не учился. Никогда не работал. Федун знал всё на свете, везде совал нос, и стоило ему появиться, как он заполнял собой окружающее пространство. Проходя мимо дома Федуна, отец Павел замедлил шаг и прислушался. Тихо.

«Хорошо, если спит. Или дома нет?», – беспокойные мысли пронеслись в голове. Мать жаловалась на сына: стал чаще выпивать, буянит, посуду бьет.

В деревне жили одинокие старушки, забытые родными, две многодетные семьи, переселившиеся из города в надежде заняться сельским хозяйством и растить детей на свежем воздухе и натуральных продуктах. Были семьи, которые прожили вместе до старости, вырастили детей и теперь встречали внуков, приезжающих на каникулы.

С каждым годом становилось всё больше дачников. Стало модным покупать дома в деревне. Привлекали красоты природы: лес, река. Деревня выглядела настолько живописной, что даже не искушенный в архитектуре человек ощущал присутствие исторического колорита. Не менее ценными были парное молоко, творог, яйца, овощи с огорода без нитратов, а еще щавель и лечебные травы, грибы, ягоды. Всё, что местные жители производили в своих подсобных хозяйствах или собирали в лесах и полях, шло на продажу дачникам. Это было взаимовыгодно: приносило весомый доход одним, обеспечивало запасы на зиму другим.

Летний сезон заканчивался. Дачники возвращались в город, запирая дома на зиму. С ними уходила и возможность заработка.

– Вечер добрый, батюшка! – на ходу поздоровалась женщина средних лет. В руках она держала вязанку дров.

– Добрый, хозяйюшка! Бог в помощь! – ответил отец Павел.

Прошло два месяца с тех пор, как он приехал в деревню. За это время успел познакомиться со всеми жителями. Благо, на контакт они шли охотно, ведь на то есть основание – его здесь ждали.

Покойный настоятель был из старых священников-целибатов. Приняв сан, он получил назначение в эту глухомань, где когда-то стоял скит, домики монахов, колокольня и древняя церковь. Проникнувшись местным бытом и полюбив здешние места всем сердцем, батюшка воспрянул духом: возобновил службы, возродил церковь. Деревенские называли его «отец родной». Кандидат исторических наук, доктор церковной истории, талантливый зодчий, знающий эклектику, и мастер на все руки, умеющий сложить печь и рубить дрова, вырезать деревянные наличники и ковать жестяные флюгера. Его трудами было сохранено множество исторических памятников этих мест.

Отец Павел часто ловил себя на мысли, что постоянно любит деревню. Жители ставили на дома флюгера, и у многих они сохранились как наследство. Их смело можно было назвать произведениями древнерусского искусства. Забавно, что дачники охотно переняли эту традицию. Установку флюгеров они превратили в своего рода соревнование – у кого лучше.

Уютные палисадники, завалянки, лавочки около каждого дома, резные ставни на окнах – вся эта местная атрибутика на короткое время отвлекала отца Павла от мрачных мыслей, которые, как заезженная пластинка, не отпускали.

Около очередного дома загорелся фонарь. Залаяла собака и этот клич мгновенно перехватили в каждом дворе. Но шум открывающихся ворот перекрыл его. Из гаража на улицу выехал фольксваген, за ним прицеп, следом выбежали дети, громко разговаривая между собой вышли люди. На улице стало шумно и оживленно.

– Батюшка, батюшка! – закричала девчушка. – А мы уезжаем!

– Да куда же это в ночь?! – покачал головой отец Павел.

– Мы собрали вещи еще днем, хотели рано утречком выехать, но позвонили с работы, – вступил в разговор хозяин дома. – Придется ехать сейчас, не то мои тут останутся еще на неделю, раньше не заберу, а им в школу идти.

– Пожелайте нам счастливого пути, – всегда элегантно одетая молодая женщина, остановилась рядом с мужем и подняла накрашенные глаза на священника.

– Ангела Хранителя вам в дорогу! – отец Павел поднял руку и осенил крестным знаменем стоящее перед ним семейство. Затем подошел к машине. Крестя её, он ходил вокруг с видом человека озабоченного и напряженного.

– Что-то не так? – с ухмылкой спросила хозяйка.

Не дожидаясь ответа, она отвернулась и позвала детей.

– Господи, благослови в путь! Спаси и сохрани! – тихо произносил отец Павел.

Когда закончил, на него уже не обращали внимание, и он, сокрушенно покачав головой, пошел дальше. Отойдя от дома шагов на двадцать, услышал голос Федуна.

“Вот он где! Как же без него? Наш пострел везде поспел. Лишь бы не напился”, – подумал отец Павел.

Все дачники отличались суетой, шумом и обилием вещей: коробок, сумок, банок, велосипедов и прочим набором всевозможной домашней утвари, которую с неизменным деловым видом возили из города на дачу и обратно. При отъездах и приездах дачников обязательно присутствовал Федун с друзьями, изображая активное участие в чужой жизни и делах, в надежде заработать за это денег. Они, с видом людей, выполняющих важную миссию, грузили в багажники мешки картошки, корзины с грибами и малосольные огурцы в бидонах. Сторожами в зимнее время, до нового приезда хозяев, были местные жители, конечно соревнующиеся между собой за эту оплачиваемую привилегию.

Когда дом был заперт на все замки, просьбы с указаниями по присмотру были розданы, и уже все сидели в машинах, то неизменно прибегала баба Валя с банкой парного молока "на

дорожку". И, хлопая дверцей автомобиля, из нее выходил благодарный хозяин, а за ним не менее благодарная хозяйка. Забирая банку, они сокрушались, что в городе такого молока им не найти. Баба Валя, в свою очередь, жаловалась на то, как сложно запасти сена на зиму:

– В сарае только тонна, а где взять еще две?

Прощание продлевалось на неопределенное время, и, сидящие в машине дети, изнывая в ожидании отъезда, начинали издавать нечленораздельные возгласы, подражая всем тем животным, которых удалось повстречать за лето.

Повторив указания по присмотру за домом в очередной раз, дачникам все-таки удавалось уехать, на радость не только детям, но и Федуну с друзьями, которые тоже изнывали от желания, снять с себя человекоугоднические маски и манеры, да устроить застолье на заработанные деньги.

– Добрый вечер, батюшка!

Перед отцом Павлом неожиданно возник староста храма Леонид, он же по совместительству алтарник, дворник и сторож.

– Добрый! – кивнул ему священник.

– Я к Яковлевым заходил. Мы список составили, сколько дров закупать надо на приход наш.

Отец Павел задумался:

– Леонид, давайте так: не на приход, а на всех, кому помощь нужна. У нас в округе еще три дальних деревни, туда сходи завтра.

Леонид закивал соглашаясь. Его не обременяли столь обширные полномочия, несвязанные с должностными обязанностями. Чем больше он наблюдал за отцом Павлом, тем больше радовался его приезду:

“Наш человек! Если так дальше пойдет – не пропадем! Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего иерея Луки! Все прозрел ты, батюшка наш родной. Хорошего человека нам прислал!”

При воспоминании об отце Луке Леонид перекрестился и вздохнул.

Вместе они дошли до церкви. Загораживающей красоты деревянный храм в честь святых апостолов Петра и Павла, изначально служил скитской церковью. Московский дворянин Дмитрий Дмитриевич Благово построил ее вместе с братией монастыря 150 лет назад. Церковь, затерявшаяся в глубинке калужских лесов, служила для уединенной молитвы. В скиту построили домики для проживания.

Леонид был из местных. Его боялись и уважали. Слово свое он держал твердо. Задирой не был, но в деревенских драках сражался как богатырь, бесстрашно и до победного конца. Такое в местных кругах ценилось высоко, при том, что Леонид спиртного не любил, выучился работе на тракторе и хорошо разбирался в технике.

История его жизни драматична и вызывала повышенный интерес. Только сам Леонид о ней никогда не распространялся, а за его спиной разговоры не умолкали и по сей день.

Женившись по большой любви, он привел любимую в родной дом. Родились у них две дочки. Однажды, прямолинейный и честный Леонид узнал: жена – влюблена в его родного брата, а брат давно и безнадежно любит ее, и между ними роман. Он был настолько подавлен, что уехал в город, ничего никому не сказав. Даже не зашел за вещами. Мать плакала день и ночь, просила найти сына. Отец ходил молчаливый, осунувшийся и угрюмый.

Узнав, где Леонид, брат сам поехал к нему. Как произошло примирение братьев не знает никто, но Леонид вернулся в родные места. С женой развелся, а жить стал при Храме. Прежний настоятель научил помогать при требах, читать писание и главное прощать и молиться. Это вернуло Леониду смысл жизни. Он понял, что, помогая другим он прежде всего помогает себе.

– Батюшка, а Вы это, – замялся Леонид, – не забыли про Власовых? Там ребяташки Вас ждут. Портфели им в школу купили. Они Вам показать хотят. Надо бы еще сапоги резиновые

прикупить, скоро дожди начнутся. Без сапог никак не обойтись. Им до развилки дойти надо. Там у нас автобус всех учеников с утра собирает и до школы довозит. А тут развезет так, что только на тракторе и проедешь, или вот в сапогах.

Леонид заговорил в непривычной для себя манере. Как будто он был виновен во всех проблемах местных жителей. И в том, что дожди пойдут, в том числе.

– Это как в школу в таких грязных сапогах приходиться? – удивился отец Павел.

– Ну что вы! – Леонид засмеялся, – Скажите тоже. Это вы наших изобретателей еще не просекли. До плетня в сапогах, а там их в мешок и мамке в руки. Она уже их чистыми к приезду из школы принесет. Как из автобуса на обратном пути выскочат, сразу туфли в мешок и прыг – в сапоги. А со школы до автобуса можно пижоном – в туфлях. А можно и в кроссовках. – Леонид подмигнул и показал большой палец.

– Все Лёнь, давай, до завтра, – перейдя на дружеский тон, сказал отец Павел. – Зайдем и к ребятам, и школу я поеду. С учителем познакомиться надо. Класс посмотреть, если разрешат. А краску для принтера привезли?

– Нет, батюшка! Может быть, завтра придут обещатели – доброжелатели?

Отец Павел, кивнул и, подойдя ближе, благословил Леонида, осенив крестным знаменем.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

– Спокойной ночи, батюшка! – ответил Леонид и пошел в сторону сторожевого домика, уже давно обжитого и ставшего из временного пристанища постоянным.

Сохранившиеся домики на церковной территории, построенные более столетия назад, были уютными. Отец Павел ощущал их намоленный дух. Служившие кельями и построенные руками монахов, они казались ему живыми. Они как бы говорили с ним языком бывших обитателей, но даже это не могло остановить.

Зайдя в свой дом, отец Павел достал бутылку вина и налил в стакан. Боль была почти физической. Спасала старая детдомовская закалка. Почти на автомате он разделся и подошел к рукомойнику. Умылся холодной водой, пытаясь найти силы для работы. Нужно было готовиться к предстоящей воскресной службе, написать проповедь. Молебен к началу учебного года вызывал в душе страх.

” Как не выдать свои чувства, свою боль?” – думал отец Павел.

Было странным соседство “буржуйки” и алюминиевого умывальника с наличием работающего ноутбука. Но это реальность: интернет в деревне существовал. Сев за стол и тронув пальцами клавиатуру, отец Павел уставился на монитор. На экране появилась фото – улыбающаяся красивая женщина прижимала к себе смеющихся детей. А за ними мужчина: обнимает их всех разом.

– Здравствуйте, мои дорогие! Я знаю, вы со мной, вы рядом... Мне так хочется вас обнять, услышать и.. собрать в школу, – отец Павел положил руку на стол и опустил на неё голову.

Чувство долга заставило его встать и затопить печь. Нужно было нагреть воду, выстирать одежду, подготовить облачение к службе. На это его сил хватило, но молитва не шла. Продолжая то вслух, то мысленно разговаривать с покойными детьми и женой, отец Павел справился со стиркой, написал проповедь и.. допил бутылку вина.

Легче не становилось. Напротив, жуткие сцены аварии всё ярче вставали перед ним. От невозможности взять на себя всю боль, которую перенесли его родные, отец Павел мучительно застонал. Хмель овладел его сознанием. Он вновь подошёл к ноутбуку и открыл фото детей, сделанное на их последней школьной линейке. Малодушие охватило его.

– Дорогие мои! – уже в слезах повторил он. – Какой из меня священник?..

...Отец Павел проснулся от пения петухов. Сумерки ещё не рассеялись.

«Литургия! Молебен к началу учебы!» – пронеслось в голове.

Мгновенно вскочив с кровати, он вылетел во двор. Нельзя было допустить, чтобы его застали в таком состоянии. Шёл дождь. Было свежо, но не холодно. Подбежав к бочке с дождевой водой, стекающей по желобу с крыши, он окунул туда голову. Решение пришло быстро – нужно применить тактику, которая не раз спасала его в детстве и прочно закрепилась в периоды обострения болезни.

Вынырнув из бочки, отец Павел чётко произнёс:

– Ещё есть время! Сегодня только пятница. Необходимо всё успеть!

Главное – не расслабляться и не давать посторонним мыслям заполнять сознание. Нужно чётко держать в приоритете текущие задачи и выполнять их. Не отклоняясь ни на шаг. Не комментируя и не анализируя. Нельзя позволить чувству вины или жалости возобладать. Так, шаг за шагом, пока не будет оказана «скорая помощь» самому себе. В этом и заключался его метод – как при реанимационных мероприятиях.

Главное, вернуться в жизнеспособное состояние и возможность действовать адекватно и разумно. А далее – следовать плану. Так было и в день епархиального суда. Только тогда его разбудил не крик петуха, а звон будильника. Открыв глаза, он увидел перед собой чистую, отутюженную рясу, висевшую на дверце шкафа. Отец Павел дал себе приказ: «Вставай и молись!». Холодный душ вернул ему способность действовать. Его ждал суд. На последней исповеди у своего духовника, архимандрита Сергия, он пообещал, что, как бы ни сложились обстоятельства, он придёт на суд.

Отец Павел был тем, для которого каждый встреченный им на жизненном пути человек, имел значение. Он следовал Евангельскому наставлению: «Самый главный человек в твоей жизни тот, кто рядом с тобой сейчас, потому что его тебе послал Сам Бог». При этом ему не требовалось проходить с этим человеком «огонь, воду и медные трубы» – всё происходило естественно, такой талант заложил ему Бог.

Архимандрит Сергий, очень любивший отца Павла, замечал это. Окружающие видели, как светилось в улыбке лицо Владыки, хотя тот старался не показывать своих предпочтений. Отец Павел, обладая тактом, кротостью и незлобием, всегда был готов помочь всем и во всем, в любых обстоятельствах, неизменно вызывая доверие. Однако друзей у него почти не было. Самыми близкими ему были жена Людмила и покойный протоиерея Николай, который спас его в детстве от уныния, открыл двери в свою большую семью и указал путь к Богу. Архимандрит Сергий, друг протоиерея Николая, который знал отца Павла с самого детства.

События прошедших месяцев слились в мельтешение отдельных кадров, казалось, не относящихся к его жизни. Это было что-то страшное, травмирующее и не связанное между собой. Отец Павел помнил, как к нему подошёл настоятель и предложил пройти в ризницу. Там они сняли облачение, и настоятель предложил ему переодеться в светскую одежду и поехать к нему домой. Их встретила матушка. В квартире стояла тишина, что удивило отца Павла, ведь обычно в этом доме царили оживление и шум, что было вполне естественно – семья настоятеля многодетная. Дети вышли к ним притихшие, как показалось, испуганные. Поздоровались и быстро ушли, закрыв за собой двери. Матушка пригласила сесть за стол, разлила по кружкам чай и сказав, что обед будет готов уже скоро, тоже вышла оставив мужа и отца Павла наедине. Напряжение нарастало.

– У меня плохие новости, – начал говорить настоятель. – Сегодня в 10 утра потерпел крушение самолёт, на котором возвращались твои дети и Людмила. Выживших нет... – Он не смог продолжить, опустил голову и замолчал.

Молчание длилось долго.

– Это случилось по причине...

– Не надо...

Отец Павел встал и пошёл к выходу. Оставшиеся на деревьях листья, отрываясь от веток, кружились в последнем танце:

“Спать, спать, пора спать,” – шептали они.

Потеряв ощущение времени, не чувствуя холода и морозящего дождя, отец Павел бродил по ночному городу. Он понимал, почему настоятель и матушка его не остановили. Что можно сказать такого, чего не знает священник? Что он сам говорит другим в подобных горьких моментах? Настоятель привёл его к себе домой в надежде оставить у себя, разделить горе, но не смог его удержать. Или не решился.

Спустя время произошло опознание, прощание и похороны. Отец Павел надеялся, что отыщет утешение в служении, но не смог. После службы он чувствовал себя пустым: проповедь произносил сухо и казенно. В его родне по линии приёмных родителей были врачи, которые пытались помочь, но отец Павел отказался. Сидя один в опустевшей квартире, он вслух разговаривал с женой и детьми, как с живыми, и много пил вина. Только после этого мог уснуть. Он стал пропускать службы. Приходил с потухшим взглядом и ни с кем не разговаривал. Настоятель, посоветовавшись с правящим архиереем, отправил его в монастырь к архимандриту Сергию. Вернувшись спустя время, отец Павел не смог измениться. Вещи в квартире и обстановка вновь напоминали ему о прошлом. Всё повторилось.

Полной неожиданностью для прихожан и всех служащих храма стал донос на отца Павла, отправленный в епархию от имени бывшего охранника, уволенного за воровство. Отец Павел поймал его на этом, но охранник упорно перекладывал вину на другого. В итоге его уволили, доказав вину. Отец Павел не мог допустить несправедливости и активно участвовал в дознании.

Кража была ничтожной и постыдной: деньги пропадали из деревянного ящика для пожертвований. Охранник переложил вину на подсобного рабочего, который последним закрывал инвентарь в кладовой. Теперь, неизвестно откуда появившись, охранник мстил, вызвав бурю негодования. Он собрал свидетелей из своих приятелей, и они оклеветали отца Павла. Им удалось сделать фото, на котором отец Павел стоял неряшливо одетым, около храма. Состряпали донос с обвинением в “подозрении служения в нетрезвом виде” и просьбой “разобраться в ситуации”.

Доноса хватило для рассмотрения дела в епархиальном суде. Создавшееся положение действительно требовало решения: как со стороны канонических требований в служении священника, так и человеческой, которой никто не отменял. Архимандрит Сергей приехал в Епархиальный отдел с предложением, как поступить с отцом Павлом в столь сложной ситуации.

Слушание дела по доносу должно было состояться уже завтра, и отец Дионисий, будучи председателем епархиального суда, готовился к заседанию. Обычно жизнерадостный и неунывающий, сейчас он был мрачен и сосредоточен, сидел, склонив голову над папкой с документами, но не мог собраться с мыслями. По статусу ему полагалось быть собранным и серьёзным, на деле всё выходило наоборот: он чувствовал себя рассеянным и подавленным, больше похожим на палача, чем на священника. Появилось раздражение. В таком состоянии его и застал архимандрит Сергей.

– Христос посреди нас! – приветливо улыбаясь и протягивая руки для объятий, по древнему обычаю, произнес архимандрит Сергей.

– И есть и будет! – не скрывая радости ответил отец Дионисий увидев гостя.

Архимандрит Сергей понимал, что его предложение может вызвать разногласия и споры, но он ошибся. Отец Дионисий вздохнул с явным облегчением. Решение отправить отца Павла для исцеления от пьянства в далёкий сельский приход, где нет даже дьякона, казалось рискованным. Однако архимандрит Сергей знал эти места: его близкий друг, недавно почивший отец Лука, когда-то возрождал здесь духовную жизнь. Оставшись без настоятеля, местный приход жил в ожидании – каким будет новый батюшка?

Болело сердце и у архимандрита Сергея. Они с отцом Лукой и будущим протоиереем Николаем дружили с самой семинарии. Протоиерей Николай когда-то принял в свою семью

из детского дома совсем юного Пашку. Теперь все друзья ушли в мир иной, и архимандрит Сергей ощущал ответственность перед их памятью и перед Богом. Он был уверен, именно это назначение – лучшее для отца Павла. Только столкнувшись с чужими тяготами и приняв на себя ответственность, он сможет справиться с личной бедой.

Отец Павел был знаком с наследием отца Луки: читал его труды по церковной истории и видел фотографии в альбомах своего деда. Это назначение для него стало бы двойной, а возможно, и тройной ответственностью. Архимандрит Сергей знал о хозяйственных способностях отца Павла, его трудолюбии и глубоком уважении к труду людей. В нём не было и тени брезгливости – ни к нечистотам вещественным, ни к «нечистотам» человеческим. Он не раз привозил бездомных в приют, сам помогал им мыться и переодеваться, не страшась ни ран, ни зловония. Архимандрит видел в нём настоящий пастырский дух – тот, что осуждает грех, но не человека.

После обсуждения рабочих вопросов с членами епархиального суда, было вынесено постановление о переводе отца Павла в Залесье. Акт о решении отправили на подпись епархиальному архиерею. Отец Павел выслушал решение. Согласно апостольскому правилу (ап. 42), ему дали возможность измениться, найти в себе силы для служения, остаться священником и пройти свой жизненный путь достойно, представ перед Богом с сокрушённым и смиренным сердцем.

"Учитывая трагические обстоятельства жизни, приведшие к каноническим нарушениям, суд постановляет: перевести иерея Удальцова Павла Николаевича в деревню Залесье местной епархии, которая, согласно официальным документам, является центром сельского поселения, включающего две деревни и два хутора, для дальнейшего служения в храме святых апостолов Петра и Павла в качестве настоятеля".

Глава 2

– Господи! Дай мне силы и разум для перенесения скорбей! – начал молитву отец Павел.
– Господи! Дай мне силы на покаяние, на преодоление искушений!

С возвращением жизненных сил пришли тошнота и головная боль. Отец Павел почувствовал озноб. Вернувшись в дом после купания в бочке с дождевой водой, он затопил печь, налил воды в стакан и растворил шипучую таблетку аспирина. Переодевшись в чистую одежду, стал машинально наводить порядок. Над его рабочим столом висели заламинированные фотографии старцев в моменты служения. Вот праведный Алексей Мечёв совершает молебен, а на другой фотографии – преподобный Серафим Вырицкий, крестьянин, некогда богатейший человек, ставший схииеримандритом. Отец Павел задержал взгляд на старце Софронии Сахарове.

“Ты переживаешь бурю. Всё в тебе доходит до небес и нисходит до бездны. Ты познал, как страдает человеческая душа, стоя на грани между спасением и вечной гибелью”, – об этом говорил старец Софроний Сахаров в своей книге.

Отцу Павлу казалось, что эти слова он произнес для него.

– Я всего лишь человек! – воскликнул, не выдержав внутреннего напряжения, и тут же продолжил тише, обращаясь к самому себе: – Нет! Не просто человек. Ты – священник! Твоё главное послушание – ходить перед Богом!

Больше всего ему сейчас хотелось раствориться в воздухе, исчезнуть, прекратить эту бесконечную борьбу.

Тут он услышал шаги на крыльце. Должно быть, Леонид. Понимая, что тот уже близко, отец Павел спрятал сумку с пустыми бутылками подальше к задней ножке стола. Ему не было стыдно или страшно за себя; ему было безразлично, что подумают другие. Но он не мог искушать этим людей. Игумен Сергей был прав: главное для отца Павла всегда оставались люди.

– Молитвами Святых отец наших, – постучал и прежде, чем открыть дверь, сказал Леонид, следуя монашеским правилам.

– Аминь! – ответил ему отец Павел. В который раз подумав, что он не в монастыре. Но Леонид тысячу раз прав следуя во многом традициям скита, сохраняя монашеский дух и незримое присутствие почившего настоятеля Луки.

– Благословите, батюшка!

Леонид был обут в армейские сапоги, на плечах плащ-палатка.

– Ты как в окопы собрался, – заметил отец Павел.

– Дождь зарядил на весь день. Я прогноз смотрел, а мне еще в хутор надо.

– Так, а мне к Власовым и в сельсовет. Картриджи куда привезут?

– К нам, сюда должны. Я позвоню, пусть в сельсовете оставят.

Отец Павел загадочно улыбнулся, чем очень озадачил Леонида, потом прошел по комнате к шкафу и достал чемодан.

– Отвернись лицом к двери.

Леонид послушно развернулся.

– А глаза надо закрывать? – вступая в игру спросил он.

– Нет, не обязательно, жди...

Отец Павел открыл чемодан и достал армейскую одежду.

– Поворачивайся!

– Два притопа, три прихлопа! – закричал на весь дом Леонид, увидев точно такую же плащ-палатку и армейские сапоги.

“ Совсем другое лицо,” – успел отметить Леонид.

– Ну что, к Власовым? Сколько там ребятишек? Семеро?

– Четыре пацана школьника и малышня.
– Аллергии у них вроде нет, конфеты мы им приносили.
– Да завалили этими конфетами, и медведями плюшевыми! Как гуманитарка приходит, так можно на что угодно спорить, что там в огромном пакете очередной плюшевый медведь.
Отец Павел покачал головой. Кому, как ни ему, выросшему в детском доме, знать про это.
– Берем гостиницы и идем.
Дождь моросил мелкими и частыми каплями. Мокрые крыши резко изменили вид деревни. Теперь она выглядела уныло, как заплаканная сказка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.